

Ноября 22 (5 декабря)

Священномученик
Илия Громогласов

Священномученик Илия родился 19 июля 1869 года в селе Еремшинский Завод Темниковского уезда Тамбовской губернии в семье диакона Михаила Громогласова. Семья была небогата; у отца был дом, сарай, хлев, лошадь, корова и сколько-то церковной земли, но сыну он дал хорошее образование. Первоначальное образование он получил в Шацком духовном училище, откуда в 1883 году перешел в Тамбовскую Духовную семинарию. В 1893 году Илья Михайлович окончил Московскую Духовную академию со степенью кандидата богословия и был оставлен при ней профессорским стипендиатом. Через год совет Московской Духовной академии избрал Илью Михайловича исполняющим должность доцента на кафедре истории русского раскола. В 1900 году он был назначен на должность лектора английского языка. В 1902 году Илья Михайлович обвенчался с Лидией Николаевной Дуловой, дочерью князя Николая Федоровича Дулова и его супруги Александры Юрьевны, урожденной Зограф. В 1908 году он представил к защите диссертацию под заглавием «Определения брака в Кормчей», за которую ему была присвоена степень магистра богословия и премия митрополита Макария. В 1909 году Илья Михайлович был избран членом-корреспондентом Императорского Московского Археологического общества. В 1910 году он был назначен экстраординарным профессором Московской Духовной академии на кафедре истории русского раскола и в том же году был уволен согласно его прошению от должности лектора английского языка. Через год Илья Михайлович уволился из Московской Духовной академии и поступил инспектором классов Мариинского женского училища дамского попечительства о бедных в Москве и одновременно стал преподавать русскую литературу и всеобщую историю в Московской женской гимназии, которой заведовала его жена Лидия Николаевна Громогласова.

Илья Михайлович Громогласов. 1900-е годы

Но Илье Михайловичу хотелось преподавать в высшем учебном заведении, и в 1914 году он выдержал экзамен на юридическом факультете Московского университета и был удостоен диплома первой степени. Через два года он выдержал экзамены по церковному и государственному праву и получил ученое звание магистранта церковного права. В том же году он был принят в число приват-доцентов на юридический факультет Московского университета на кафедру церковного права.

23 апреля 1917 года по ходатайству Совета Московской Духовной академии определением Святейшего Синода Ильи Михайлович был восстановлен в звании профессора академии по кафедре церковного права.

В то же время он оставался профессором Московского университета и преподавателем школы второй ступени. Его перу принадлежит множество научных работ, большая часть которых посвящена истории раскола, такие, как «О сущности и причинах русского раскола», «Русский раскол и вселенское православие», и другие.

25 мая 1917 года Святейший Синод включил Илью Михайловича Громогласова в список приглашенных в состав Предсоборного Совета. Как член Предсоборного Совета он был утвержден Святейшим Синодом членом Поместного Собора и стал его деятельным участником. В декабре 1917 года Собор избрал Илью Михайловича в Высший Церковный Совет, членом которого он был в течение нескольких лет. Когда святой Патриарх Тихон опубликовал послание, в котором отлучались от Церкви бесчинствующие, Илья Михайлович на Соборе сказал: «Единственная надежда наша не в том, что будет у нас земной царь или президент – как угодно его назовите, а в том, чтобы был Небесный Царь – Христос: в Нем одном нужно искать спасения. Вместе с вами я благоговейно преклоняюсь перед мужественным и суровым словом Патриарха, которое давно пора было сказать. Не скрою, что у меня был момент недоумения, вызванного тем, что патриаршее послание появилось накануне возобновления соборных заседаний, как будто Патриарх желает отмежеваться от Собора, от всецерковного представительства. Но, вдумываясь глубже в это обстоятельство, я склонен видеть объяснение его в том, что Святейшему Патриарху угодно было лично на себя принять все последствия, какие могут произойти в связи с его посланием. Вследствие этого еще больше возрастает и увеличивается чувство благоговейной благодарности за подъятый им подвиг. Однако не следует нам забывать, что по сознанию выдающихся вождей христианской мысли даже Небесный Царь – Бог – не может спасти нас без нас, то есть если мы сами не принимаем участия в совершении нашего спасения. И мы ошиблись бы, если бы полагали, что посланием Патриарха дело закончено и нам нечего больше делать. Я полагаю, что мы должны надлежащим образом определить свое отношение к переживаемым событиям. Мера безумия и беззакония исполнена, и было бы неразумно отказываться от применения самого сильного средства, какое есть у Церкви. У Церкви нет другого, более сильного оружия, чем отлучение. Это – дело великое, но и последнее, что есть у Церкви, кроме надежды на беспредельную милость Божию, и горе нам, если слово отлучения повиснет в воздухе, не наполненное реальным содержанием. И вот, вслед за тем как прозвучало слово Патриарха, очередь за нами как представителями Церкви, которые должны позаботиться, чтобы слово отлучения не осталось направленным в пространство, по неизвестному адресу. Нужно определить твердо и ясно, кто именно те враги Христа и Церкви, против которых поднято это грозное оружие, и – что самое

главное, ради чего я и всходил на кафедру, – нужно, чтобы отлучение было реальным, действительным отчуждением, отделением тех, кто всею душою предан Церкви, от ее врагов и гонителей.

Настал момент нашего самоопределения; каждый должен пред лицом своей совести и Церкви решить сам за себя, сказать, кто он – христианин или нет, остался ли он верен Церкви или изменил Христу, верен он знамени Церкви или бросил его, топчет ногами и идет за теми, кто попирает наши святыни».

В начале 1922 года Илья Михайлович оставил светскую службу, приняв твердое решение стать священнослужителем, – поступок, для которого в условиях гонения требовалось огромное мужество. 18 февраля 1922 года Святейший Патриарх Тихон рукоположил его в сан диакона ко храму святого мученика Антипы в Москве, а через два дня – в сан священника к той же церкви. 22 марта о. Илья был арестован и заключен во внутреннюю тюрьму ГПУ, где находился до 14 августа, когда был переведен в Бутырскую тюрьму. На процессе по делу изъятия церковных ценностей, проходившем в Москве в ноябре-декабре 1922 года, он был приговорен к полутора годам заключения, которое впоследствии было заменено годом ссылки. Однако власти, несмотря на изменение приговора, содержали священника в Бутырской тюрьме. 2 марта 1923 года его перевели в Сокольнический исправительный дом, а 8 марта – снова во внутреннюю тюрьму ГПУ.

По возвращении, 1 августа 1923 года он был временно назначен настоятелем Воскресенской в Кадашах церкви, а 30 сентября общее собрание прихожан единогласно избрало его настоятелем.

8 марта 1924 года ГПУ произвело в квартире священника обыск, после которого он был увезен на допрос и арестован. Во время следствия выяснилось, что о. Илья болен рожистым воспалением головы и лица, и ГПУ, отложив допрос, поместило его в заразный барак Бутырской тюрьмы. Узнав, что о. Илья заболел, его жена, Лидия Николаевна, стала усиленно хлопотать о его освобождении.

24 марта о. Илья был освобожден из тюрьмы, но следствие продолжалось, и 19 мая Коллегия ОГПУ приговорила его к трем годам ссылки на Урал. 28 июня о. Илия был вызван в милицию, где ему было предложено в трехдневный срок покинуть Москву и проследовать к месту ссылки – в Екатеринбург. Зная, что совершенно ни в чем перед властями не виновен, о. Илья не терял надежды, что ему удастся остаться в Москве и, продолжая церковное служение, закончить свои научные труды. Священник добился приема у прокурора Верховного Суда Красикова; в то время кабинете Красикова находился его помощник Катанян, им о. Илья и изложил существо дела. Его обвиняют в том, что он присутствовал на собраниях у католички Абрикосовой (где будто бы обсуждался вопрос о создании единого антисоциалистического фронта), в которых о. Илья принимал участие как представитель православного духовенства. Между тем по самому делу он ни разу не был допрошен, и вот теперь ГПУ требует, чтобы он в трехдневный срок покинул Москву. В ответ Красиков и Катанян обещали, что отсрочка священнику будет дана и они пошлют телефонограмму в ОГПУ. Отец Илья сообщил об этом представителям ОГПУ, но те ему заявили, что никакой телефонограммы не получали и снова потребовали немедленно покинуть Москву.

Отец Илья, надеясь на обещание Красикова, никуда не поехал. Через день его вызвали в ГПУ и сообщили, что отсрочка ему дана, и когда он понадобится, его снова вызовут.

*Протоиерей Илья Громогласов
с прихожанами Воскресенской церкви в Кадашах*

7 апреля 1925 года скончался Патриарх Тихон. Протоиерей Илья, как знавший его, сказал слово о почившем святителе: «Мы верим и знаем, что он, как непостыдный делатель Церкви, будет стоять пред престолом Всевышнего и ходатайствовать воздыханиями неизглаголанными о Церкви Русской, ангелом которой он был среди нас. И мы верим, что Господь смилуется над Русской Православной Церковью по молитвам Святейшего отца нашего Патриарха Тихона...»

Прошло около месяца после смерти Патриарха, и о. Илья вновь был арестован: к нему был применен тот же приговор – три года ссылки, но начиная уже с 19 мая 1925 года. Сослан он был далеко на север, в село Сургут Тобольского округа.

4 февраля 1927 года о. Илья написал заявление Красикову: «На рассмотрении Президиума Центрального Исполнительного Комитета СССР находится прошение мое от 1 июля 1926 года о досрочном освобождении меня из административной ссылки и о разрешении мне возвратиться в Москву. В означенном прошении подробно изложены основания моей просьбы, которые в существе сводятся к следующему:

1. Моя ссылка на Урал на три года является результатом какого-то недоразумения, и вообще не знаю за собой вины пред советской властью, так как всегда был вполне лояльным в отношении к ней.

2. Я уже старый (теперь мне пятьдесят восемь лет) и больной человек, страдающий, как видно из прилагаемых при сем врачебных удостоверений, а) туберкулезным поражением правого легкого; б) миокардитом с тяжелыми приступами одышки и сердцебиения; в) хроническим суставным ревматизмом; г) аппендицитом и д) паховой грыжей.

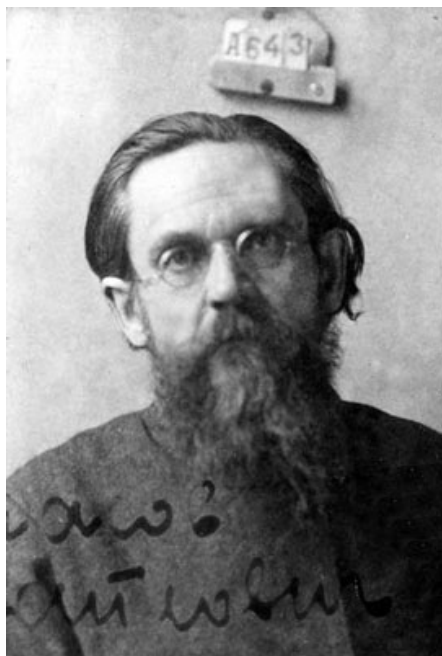
Обращаясь к Вам теперь с просьбой о содействии благоприятному разрешению моего ходатайства, считаю нужным присоединить к вышеизложенному, что за время ссылки вследствие суровости здешнего климата (морозы свыше 50 градусов) и отсутствия достаточной врачебной помощи, болезненное состояние мое значительно отягчилось, что можно усмотреть и из

прилагаемых врачебных удостоверений. Прошу также принять во внимание, что я уже отбыл более половины срока ссылки (один год и девять месяцев, то есть двадцать один месяц из тридцати шести, что составляет 7/12 всего трехлетнего срока), а к тому времени, когда – при благоприятном исходе моего ходатайства – я получу фактическую возможность выехать из Сургута (не ранее июня, так как переезд по зимнему пути для меня физически невозможен), истечет уже две трети всего срока.

Если сверх всего этого требуется заявление об отказе моем на будущее время от участия в политической деятельности, то я делаю его с тем большей готовностью, что и раньше был чужд активной политической работы и никогда не состоял членом никакой политической партии.

Я желал бы посвятить остаток дней своих научным исследованиям, которым отдал тридцать пять лет своей жизни».

На это заявление Красиков ответил, что он оставляет решение на волю ГПУ, но у него нет возражений против выезда священника из места ссылки с дальнейшим запрещением для него проживания в шести центральных областях. Отец Илья ответа на это заявление не получил и 28 февраля 1928 года направил в Коллегию ОГПУ новое заявление, в котором писал: «В настоящее время до истечения этого срока осталось всего два месяца с несколькими днями. В законе об амнистии к 10-й годовщине Октября в отношении лиц, осужденных органами ОГПУ за государственные преступления, постановлено (пункт 6-й, часть 2-я): прекратить дальнейшее применение определенных для них мер социальной защиты по отбытии ими 3/4 установленного приговором срока. Означенная льгота не распространяется только на активных членов враждебных советскому строю политических партий и на злостных взяточников, но ни к тем, ни к другим я ни в коем случае не могу быть причислен.

*Протоиерей Илья Громогласов.
Внутренняя тюрьма ОГПУ. 1925 год*

Тем не менее моя ссылка еще продолжается, удерживая меня в крайне тяжелом положении. Я пятидесятидевятилетний старик, тяжело больной, как

видно из прилагаемой официальной копии удостоверения врачебно-экспертной комиссии. Кроме того, ввиду уже недалекой смерти, я не хотел бы оставить незаконченными некоторые из ученых работ своих (по истории права), что возможно лишь при условии доступа к московским книгохранилищам.

Ввиду вышеизложенного я прошу об освобождении от административной ссылки и о разрешении мне возвратиться на жительство в Москву».

Суть заявления была сообщена заместителю начальника секретного отдела ОГПУ Андреевой, которая вела «дело» священника, и она распорядилась передать в Тобольск, что она против его возвращения в Москву. 13 апреля 1928 года Коллегия ОГПУ постановила: «Лишить права проживания в Москве, Ленинграде, Киеве, Харькове, Одессе, Ростове-на-Дону, означенных губерниях, с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года».

Так о. Илья оказался в Твери, куда в это время получил назначение святой архиепископ Фаддей (Успенский), которого о. Илья знал еще по учебе в академии. Служил о. Илья за Волгой, в храме иконы Божией Матери Неопалимая Купина, оказавшимся впоследствии одним из последних незакрытых храмов, где часто служил святитель-подвижник.

Начались гонения 1937 года. В ночь со 2 на 3 ноября сотрудники НКВД пришли арестовать священника. Из дома у него взяли все сколько-нибудь ценное: два наперсных креста с украшениями, наперсный серебряный крест, крест на престольный, магистерский знак, священнические облачения, крестильный набор, митру, Библию и служебное Евангелие, личные письма, тетради с записями, записные книжки, папку с личными документами, двадцать фотографий, помянник, семь медалей и значков и шесть книг самого священника, написанных им в бытность его профессором Духовной академии.

После допроса о. Илью увезли в тюрьму. Мы не знаем, как проходили допросы в течение месяца. Возможно, они были ежедневными. Держался на них о. Илья мужественно, и 29 ноября состоялся последний допрос.

– Назовите ваших близких знакомых по городу Калинин и характер связи с ними, – спросил следователь.

– Близких знакомых у меня в городе Калинин нет. По моей профессии мне приходилось у некоторых лиц, проживающих в городе Калинин, бывать в квартирах из чисто моих служебных треб... Помимо исполнения служебно-религиозных обрядов приглашался на чаепития. Мне хорошо знакомы мои сослуживцы: Илья Ильич Бенеманский, Борис Иванович Забавин и Николай Иванович Маслов. Больше у меня знакомых лиц нет, с которыми я бы общался, – ответил о. Илья.

– Вы следствию говорите неправду, предлагаю вам давать правдивые показания. Кто еще из лиц, хорошо знакомых вам, проживает в городе Калинин?

– Больше у меня хорошо знакомых мне лиц нет.

– Вы обвиняетесь в том, что, являясь одним из участников контрреволюционной фашистско-монархической организации, существовавшей в городе Калинин, активно проводили свою контрреволюционную деятельность. Признаете вы это?

– Участником контрреволюционной организации я не был, и о существовании какой-либо контрреволюционной организации мне неизвестно.

– Вы говорите ложь. Следствие настаивает на даче правдивых показаний о вашем участии в контрреволюционной фашистско-монархической организации.

– Ни в каких контрреволюционных организациях я не участвовал.

– Вы в контрреволюционных целях организовали литературный богословско-философский кружок, на котором проводили контрреволюционную деятельность. Признаете вы это?

– Никаким литературным богословско-философским кружком я не руководил и о существовании такового я ничего не знаю.

– Вы являлись активным участником контрреволюционной церковно-монархической группы, существовавшей в городе Калинине, и проводили контрреволюционную деятельность. Признаете вы это?

– Нет, не признаю.

– Вы, Громогласов Илья Михайлович, являясь участником контрреволюционной церковно-монархической группы, проводили среди населения контрреволюционную агитацию. Признаете вы это?

– Не признаю.

– Вами, Громогласовым, велась вербовка лиц в контрреволюционную церковно-монархическую группу. Признаете вы это?

– Решительно отрицаю.

– В июле месяце 1937 года вы среди своих близких знакомых высказывали свои симпатии германо-итальянскому фашизму и выражали надежду на него о якобы избавлении им русской церкви от большевиков в СССР. Признаете ли вы это?

– Это я тоже решительно отрицаю.

– Вы, Громогласов, среди населения города Калинина вели контрреволюционную агитацию за объединение реакционных сил духовенства – тихоновцев, для активной борьбы с советской властью повстанческого характера. Признаете вы себя виновным в этом?

– Этого не было, и я решительно это отрицаю.

– Что вы можете добавить к своим показаниям?

– Добавить ничего не могу.

На следующий день были вызваны «дежурные свидетели», обновленцы, которые подписали протоколы допросов, предложенные следователем, против о. Ильи и других священников.

2 декабря Тройка НКВД приговорила священника к расстрелу. Через день, 4 декабря 1937 года, протоиерей Илья Громогласов был расстрелян.

Архимандрит Дамаскин (Орловский)

Библиография

Игумен Дамаскин (Орловский). «Мученики, исповедники и подвижники благочестия Русской Православной Церкви XX столетия. Жизнеописания и материалы к ним. Книга 3». Тверь. 2001. С. 411-420